

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Слишком
много поваров

Ниро Вульф

Рекс Стаут

СЛИШКОМ МНОГО ПОВАРОВ

«Азбука-Аттикус»

1938

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Слишком много поваров / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1938 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-18532-6

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. На встрече пятнадцати лучших в мире поваров убивают одного знаменитого повара. Вулфу брошен вызов – и как детективу, и как завзятому гурману.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18532-6

© Стаут Р. Т., 1938
© Азбука-Аттикус, 1938

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рекс Стаут

СЛИШКОМ МНОГО ПОВАРОВ

Rex Stout

TOO MANY COOKS

Copyright © 1938 by Rex Stout

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

© А. Ю. Голосовская, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Предисловие

Я использовал как можно меньше французских и разных причудливых слов в написании этого дела Ниро Вулфа, но я не мог вообще обойтись без них из-за людей, которые были вовлечены в эти события. Я не несу ответственности за орфографию, поэтому не пишите мне об ошибках. Вулф отказался мне помочь, и я вынужден был пойти в Языковую школу Хайнемана и заплатить профессору тридцать баксов, чтобы тот исправил мои записи французских слов. В большинстве случаев, когда кто-нибудь произносил то, что для меня было лишь пустыми звуками, я просто опускал сказанное, если оно было не важно, или каким-то образом старался передать основную идею на американском языке.

Арчи Гудвин

Глава 1

Я медленно прогуливался по платформе Пенсильванского вокзала. Мне необходимо было немного прийти в себя, потому что у меня создалось ощущение, будто я только что втащил по жаре пирамиду Хеопса на крышу Эмпайр-стейт-билдинг. Я остановился, вытер со лба пот, зажег сигарету и не торопясь продолжил прогулку. Не успел я сделать и трех затяжек, как в окно, мимо которого я проходил, постучали. Я наклонился и поймал полный отчаяния взгляд Вулфа, которого мне еле-еле удалось разместить в купе пульмановского вагона. Что есть мочи он заорал через закрытое окно:

– Арчи! Черт бы тебя побрал! Иди сюда! Поезд сейчас тронется, а у тебя билеты!

– Вы же сказали: там слишком тесно, чтобы курить! – завопил я в ответ. – Еще только тридцать две минуты десятого! И вообще, я раздумал ехать! Приятного времяпрепровождения!

Я побрел дальше. Билеты, как же! Не это его беспокоит. Он трясется от страха, потому что один в поезде, а поезд ведь может поехать. Он ненавидит движущиеся предметы и обожает доказывать, что в девяти случаях из десяти место, куда человек едет, ничуть не лучше того, откуда он уехал. Потому я и не стал спорить, когда, собираясь в поездку на четыре дня, он взял с собой три саквояжа, два чемодана и два пальто. И это в апреле! На вокзал пришлось приехать за двадцать минут до отхода поезда.

Фриц Бреннер провожал нас со слезами на глазах, а Теодор Хорстман, когда мы уже сели в наш седан, выбежал на улицу, чтобы задать еще несколько дюжин вопросов об орхидеях. И даже у Сола Пензера, когда он привез нас на вокзал и начал прощаться с Вулфом, задрожал голос. Можно было подумать, что нас запускают в космос проверить, все ли звезды на месте.

И вот, как раз когда я собрался выкинуть окурок в щель между поездом и платформой, мне на глаза попала одна звездочка. Она прошла совсем близко и обдала меня ароматом, который, хотя и вышел из парфюмерного флакона, но показался мне вполне естественным. Таким же естественным казался цвет ее лица, хотя допускаю, что он тоже плод парфюмерного искусства. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это создание не серийного производства, а тонкой ручной работы. Девушка шла под руку с высоким грузным мужчиной в коричневом плаще и коричневой широкополой шляпе. Вслед за проводником они вошли в следующий за нами вагон. Мурлыча под нос: «Все, что у меня было, – это мое сердце, а теперь и оно пропало», я с притворным равнодушием пожал плечами и вошел в вагон, когда просигналили отправление.

Вулф сидел на широком диване у окна и держался за поручень обеими руками. Тем не менее, когда поезд тронулся, его качнуло взад и вперед. Уголкем глаза я заметил бешенство на его лице, но решил не обращать внимания и, вытащив из чемодана журнал, уселся в углу. Все еще не расцепляя рук, он заорал в мою сторону:

– Мы прибудем в Канова-Спа завтра утром в одиннадцать двадцать пять! Четырнадцать часов! В Питсбурге наш вагон прицепят к другому поезду! В случае поломки нам придется ждать вечернего поезда! Если что-нибудь случится с нашим двигателем...

Я холодно прервал его:

– Я не глухой, сэр. Вы можете плакаться сколько угодно, этим вы утруждаете только собственные легкие. Но я решительно возражаю против любых упреков – выражаются они в словах или в вашем тоне, – будто я виноват в этих неудобствах. – Я специально приготовил прошлой ночью эту фразу, так как знал, что она мне понадобится. – Это путешествие – ваша затея. Вы хотели поехать, по крайней мере вы хотели оказаться в Канова-Спа. Шесть месяцев назад вы пообещали Вукчичу, что приедете шестого апреля. Теперь вы жалеете об этом. И я

тоже. Что же касается двигателя, то на таких поездах установлены самые новые и лучшие, и даже ребенку ясно...

Поезд выехал из тоннеля под рекой и продолжал набирать скорость на просторах Джерси.

– Двигатель состоит из двух тысяч трехсот девяти подвижных частей! – прокричал Вулф.

Я отложил журнал и ободряюще улыбнулся ему. Он патологически боится механизмов. Нельзя позволять ему думать об этом, а то нам обоим будет хуже. Надо поскорее на что-то его переключить. Но прежде чем мне удалось найти приятную тему, возникло одно обстоятельство, свидетельствующее о том, что, как бы Вулф ни бесновался, пока я курил на платформе, он не до конца потерял присутствие духа. Дверь приоткрылась и пропустила проводника со стаканом и тремя бутылками пива на подносе. Проводник откупорил бутылку, вылил пиво в стакан, поставил оставшиеся две на столик, положил открывалку, получил от меня плату и удалился. Поезд на повороте слегка качнуло, и лицо Вулфа исказила ярость. Затем поезд пошел плавно, Вулф взял стакан, отхлебнул раз, другой, третий и поставил его пустым на столик. Слизнув с губ пену, он тщательно вытер рот платком и принялся оглядываться по сторонам уже без малейших признаков истерики:

– Прекрасно. Не забыть сказать Теодору, чтобы он следил за температурой в оранжерее.

– Закажите разговор из Филадельфии.

– Спасибо. Я страдаю, и ты это знаешь. Не затруднит ли вас, мистер Гудвин, если я попрошу достать из чемодана мою книгу? Это «Внутри Европы» Джона Гунтера.

Я взял чемодан и выудил книгу.

В течение получаса мы мирно катили по ночному Джерси. Все три бутылки опустели, Вулф склонился над книгой и, судя по тому, что он переворачивал страницы, углубился в чтение. Я просматривал статью о сопоставлении улик в «Журнале криминалистики». Но сопоставление улик мало занимало меня. Мой мозг трудился над проблемой, как уложить Ниро Вулфа спать. Разумеется, дома он раздевался сам, и я не служил у него лакеем – всего лишь секретарем, телохранителем, детективом и козлом отпущения. Однако факт есть факт: скоро полночь, а он сидит в костюме, и необходимо изобрести способ, как его раздеть, чтобы при этом не перевернулся поезд. И дело не только в его неповоротливости, просто у него отсутствует навык поддерживать равновесие в движущемся транспортном средстве. О том, чтобы стащить с него брюки, когда он сидит, не может быть и речи: в нем от двухсот пятидесяти до пятисот фунтов. Насколько я знаю, его никогда не взвешивали, и об истинном его весе можно только гадать. Я напряженно обдумывал эту задачу и уже было решил исходить из условного веса триста десять фунтов, как к нам постучали. Я крикнул, что дверь не заперта.

Вошел Марко Вукчич. Из его телефонного разговора с Вулфом около недели назад я узнал, что он едет тем же поездом. Последний раз мы виделись у нас за обедом в начале марта. Вукчич – один из двух человек, не считая служащих, кого Вулф зовет по имени. Вукчич прикрыл за собой дверь и встал посреди купе, как лев на задних лапах – не толстый, но огромный, с непослушной гривой волос.

– Марко! – заорал ему Вулф. – Разве у тебя нет спального места? Какого черта ты прыгаешь в утробе этого чудовища?!

Вукчич улыбнулся, показав крепкие белые зубы:

– Ниро, проклятый старый отшельник! Я не сижу, подобно тебе, как улитка в своей раковине. Но, так или иначе, ты в поезде – вот это победа! Я нашел тебя и еще одного коллегу, которого не видел пять лет. Он едет в следующем вагоне. Я предложил ему встретиться с тобой. Он будет рад, если ты придешь к нему в купе.

Вулф сжал губы:

– Это просто смешно. Я не акробат. И не собираюсь вставать с места, пока эта штука не остановится.

– Каким же образом тогда... – Вукчич расхохотался и поглядел на груды багажа. – Но, похоже, у тебя есть все необходимое. Да я и не предполагал, что ты пойдешь. Я лучше приведу его сюда, если можно. Об этом я и пришел спросить.

– Сейчас?

– Сейчас.

– Прошу тебя, Марко, – покачал головой Вулф. – Посмотри на меня. Я не в состоянии поддерживать светский разговор.

– Ненадолго, только поздороваться.

– Нет. Думаю, что не смогу. Ты отдаешь себе отчет, что, если эта штукавина натолкнется на какое-нибудь препятствие, мы полетим вперед со скоростью восемьдесят миль в час? Разве это обстановка для приятного времяпрепровождения? – Он снова сжал губы и лишь слегка пошевелил ими, чтобы произнести: – Завтра!

Вукчич, который почти так же, как Вулф, привык добиваться своего, попробовал настаивать, но это ни к чему не привело. Он попытался взять его уговорами – и это не подействовало. Я зевал.

Наконец Вукчич решил плюнуть на свою затею:

– Ну ладно, завтра. Если мы не наткнемся на препятствие и останемся в живых. Я скажу Берену, что ты лег спать.

– Берену? – Вулф выпрямился и даже ослабил свою мертвую хватку. – Это не Жером Берен?

– Он самый. Он один из пятнадцати.

– Приведи его. – Вулф прикрыл глаза. – Обязательно. Я хочу его видеть. Почему, черт побери, ты сразу не сказал, что это Берен?!

Вукчич махнул рукой и вышел. Минуты через три он вернулся и придержал дверь для своего спутника. Вернее, их оказалось двое, и наиболее интересный, с моей точки зрения, вошел первым. Она успела снять свою накидку, но осталась в шляпе, и от нее шел тот же свежий и пьянящий запах, что и на платформе. Я разглядел, что она молода, как любовная греза, и при этом освещении глаза у нее темно-фиолетовые. Ее губы говорили о том, что она сдержанна, но любит посмеяться. Вулф окинул ее удивленным взглядом и переключил внимание на высокого грузного мужчину позади нее, которого я узнал даже без коричневого плаща и шляпы.

Вукчич представил собравшихся друг другу: мистер Ниро Вулф, мистер Гудвин, мистер Жером Берен, его дочь, мисс Констанца Берен.

Поклонившись, я предоставил им продолжать знакомство, а сам занялся устройством сидений в нужном мне порядке. В результате три толстяка разместились на диване, любовная греза – на стуле, а я – рядом с ней на чемодане. Она одарила меня дружеской улыбкой и отвернулась. Уголком глаза я заметил, как скривился Вулф, когда Вукчич вынул сигару, а Берен набил старую трубку и скрылся в облаках дыма. Узнав, что он ее отец, я начал испытывать к нему самые дружеские чувства. У него были черные с проседью волосы, борода, в которой седины было еще больше, и глубокие блестящие черные глаза.

– Это мой первый приезд в Америку, – говорил он Вулфу. – Я только сейчас понял ее прелесть. В поезде чистота. Никакого мусора! А движение плавное, как полет чайки. Замечательно!

Вулфа передернуло, но Берен не заметил. Он продолжал свое. Словами «первый приезд в Америку» он немного испугал меня. Я наклонился к своей грезе и шепотом спросил:

– Вы говорите по-английски?

– О да, – улыбнулась она. – И даже неплохо. Мы прожили три года в Лондоне.

– О'кей, – кивнул я и занял положение, в котором было всего удобнее на нее смотреть.

Я размышлял о том, как мудро поступил, не надев супружеского ярма на свою шею ни в одну из прежних попыток. Иначе сейчас мне пришлось бы скрежетать зубами. Стало быть,

нужно держаться, пока зубы у меня еще достаточно крепкие. И вообще, смотреть никому не запрещено.

В это время ее отец говорил:

– Как я понял со слов Вукчича, вы почетный гость Сервана. Значит, последний вечер будет вашим. Впервые Америка удостоилась такой чести. В тысяча девятьсот тридцать втором году в Париже нас приветствовал премьер-министр, а председателем был еще живой Арман Флери. А в тысяча девятьсот двадцать седьмом – Ферид Халдах, тогда еще не профессионал. Вукчич говорит, что вы блюститель порядка. Это правда?

– Не совсем так, – кивнул Вулф. – Я не полицейский, а частный детектив. Я заманиваю преступников в ловушку и ищу улики, чтобы арестовать их. И делаю это за деньги.

– Невероятно! Такая грязная работа!

Вулф попытался пожать плечами, но помешал толчок поезда. Его грозный взгляд предназначался не Берену, а поезду.

– Возможно. Каждый выбирает дело, которое способен делать без отвращения. Фабрикант детских колясок запутывается в паутине монополий и превращает рабочих в орудие для достижения своих корыстных целей. Безголовые политиканы стреляют друг в друга, и их мозги гнивают прежде, чем им успевают поставить памятники. Мусорщику приходится копаться в пищевых отходах, а сенатору – в доказательствах коррупции высокопоставленных чиновников. И как знать, что грязнее? Дело только в том, что мусорщик получает меньше, – это единственное реальное различие. А я не пачкаю рук задаром, я назначаю высокую плату.

Берен проглотил все это.

– Но вы ведь не собираетесь делать для нас доклад о пищевых отходах, не так ли? – усмехнулся он.

– Нет. Мистер Серван попросил меня выступить на тему, как он сам сформулировал ее: «Contributions Americaines à la Haute Cuisine»¹.

– Ба! – фыркнул Берен. – Но тут не о чем говорить!

Вулф поднял брови:

– Не о чем, сэр?

– Не о чем. Мне говорили, что во многих американских семьях неплохо готовят. Я сам не пробовал. Я слышал о кукурузных лепешках, похлебке из моллюсков и молочном соусе. Это наверняка вкусно, но это для всех. И конечно, не представляет интереса для мастеров высокой кухни. – Он снова фыркнул. – Все эти блюда имеют такое же отношение к высокой кухне, как сентиментальные любовные песенки к Бетховену или Вагнеру.

– Действительно. – Вулф ткнул в него пальцем. – Пробовали вы тушенную в масле черепаху или куриный бульон с хересом?

– Нет.

– А кусочки мясного филе на вертеле, два дюйма толщиной, из которого под ножом сочится горячий красноватый сок? Оно подается с американской петрушкой, тонкими ломтиками лимона и картофельным пюре, которое тает во рту. Можно еще украсить отваренными свежими грибами.

– Нет.

– А новоорлеанский рубец по-креольски? А миссурийский окорок из графства Бун, который запечен с уксусом, патокой, вустерским соусом, сладким сидром и травами? А цыплят маренго? Или курицу в яичном соусе с изюмом, луком, миндалем, хересом и мексиканскими колбасками? Или опоссума по-теннессийски? Или омара «Ньюбур»? Или филладельфийский черепаховый суп? Но я и так вижу, что нет. – Вулф снова ткнул в него пальцем. – Не спору, для кулинара Франция – рай. Но он хорошо сделает, если будет интересоваться кухней других

---

¹ Вклад американцев в высокую кухню (фр.). – Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных.

стран. Мне доводилось есть рубец по-кайеннски у Фарамона в Париже. Он превосходен, но не лучше, чем рубец по-креольски, который не нужно проталкивать в горло с помощью вина. В юности, когда был легче на подъем, я пробовал буйабес в Марселе, его колыбели и храме. Могу сказать, что он лишь для того, чтобы утолить голод, и не идет ни в какое сравнение с новоорлеанским буйабесом. Если у вас нет красного луциана...

В течение секунды мне казалось, что Берен собирается плюнуть ему в лицо. Предоставив им самим разбираться между собой, я наклонился к Констанце:

– Я вижу, ваш отец – хороший повар.

Фиолетовые глаза удивленно посмотрели на меня из-под поднятых бровей.

– Он шеф-повар «Корридона» в Сан-Ремо. Разве вы не знали?

– Да, – кивнул я, – видел список пятнадцати. Вчера в «Таймс». Только теперь вспомнил.

А вы сами умеете готовить?

– Нет. Ненавижу это занятие. Единственное, что я умею, – это варить хороший кофе. – Ее взгляд спустился к моему галстуку, на мне был темно-коричневый в горошек, который очень шел к песочного цвета рубашке в тонкую полоску. – Я не расслышала ваше имя, когда мистер Вукчич знакомил нас. Вы тоже детектив?

– Меня зовут Арчи Гудвин. Арчибальд означает «святой и добрый», но мое имя не Арчибальд. Никогда не слышал, как француженка произносит «Арчи». Пожалуйста, попробуйте.

– Я не француженка. – Она нахмурилась. Кожа у нее была такая гладкая, что морщинки напоминали неровности на поверхности нового теннисного мяча. – Я каталонка. И уверена, что смогу выговорить «Арчи». Арчиарчиарчи. Ну как?

– Изумительно!

– Так вы детектив?

– Конечно. – Я достал бумажник, порылся в нем и вытащил рыболовную лицензию, полученную прошлым летом в штате Мэн. – Глядите. Видите мое имя?

Она стала читать, с сомнением покачала головой и вернула лицензию мне.

– А что такое Мэн? Ваш участок?

– Нет. Понимаете, у нас в Америке два типа сыщиков, более или менее дееспособных. «Мэн» означает, что я отношусь к тем, которые «менее». То есть мне почти не достается тяжелой работы – поить коней, расстреливать пленных или смазывать древопроводные желоба. Я всего лишь шевелю мозгами – например, ко мне обращаются, когда не знают, что делать. А вот наш мистер Вулф принадлежит к тем, кто «более». Вы же видите, какой он крупный и сильный. И бегают, как олень.

– Но... при чем тут кони?

Я терпеливо объяснил:

– В этой стране закон запрещает убивать человека, если у вас нет на него коня. Когда трое или больше джентльменов играют в кости на выпивку, часто звучит: «Конь на тебя» или «Конь на меня». Вы не сможете безнаказанно выстрелить, если сначала не произнесете эти слова. А еще есть выражение «кобылье гнездо» – так говорится о чем-то ложном, несуществующем. В кобыльем гнезде живут только кобылы, жеребцов не бывает. «Конские перья» – тоже странный оборот. Ну откуда у коня перья?..

– Что такое кобыла?

Я прочистил горло:

– Противоположность жеребцу. Как вы знаете, все должно иметь свою противоположность. Правое не может быть без левого, или верх без дна, или лучшее без худшего. Точно так же не может быть кобылы без жеребца или жеребца без кобылы. Если взять, скажем, десять миллионов жеребцов...

Я был так поглощен болтовней с прекрасной каталонкой, что перестал вслушиваться в общий разговор. Внезапно Вукчич вскочил и пригласил мисс Берен в вагон-бар. Выяснилось,

что Вулф выразил желание поговорить с ее отцом наедине. Я внимательно посмотрел на него, стараясь понять, что за игру он затеял. Он слегка постукивал пальцем по колену – это был признак далекоидущих планов. Когда Констанца встала, я тоже поднялся.

– Вы позволите? – Я поклонился и сказал Вулфу: – Если я вам понадобится, пришлите за мной проводника. Я не успел объяснить мисс Берен...

– Мисс Берен? – Вулф подозрительно посмотрел на меня. – Любую информацию она сможет получить у Марко. А нам, я надеюсь, понадобится твой блокнот. Садись!

И Вукчич увел ее. Я снова сел, теперь уже на стул. Мне очень хотелось попросить расчет, но движущийся поезд – самое неподходящее для этого место на земле.

Берен опять набил трубку. Вулф заговорил вкрадчивым голосом. Чувствовалось, что он прощупывает место для лобовой атаки.

– Для начала я хотел бы рассказать вам об одном уроке, который получил двадцать пять лет назад. Надеюсь, рассказ вам не наскучит. – Берен согласно кивнул, и Вулф продолжил: – Это было перед войной, в Фигерасе.

Берен поправил трубку:

– Ха! Вот как?

– Да. Я тогда еще только начинал и приехал в Испанию с секретным поручением от правительства Австрии. След одного человека привел меня в Фигерас, и однажды вечером, часов в десять, я, не успев пообедать, зашел в маленькое кафе на площади и спросил чего-нибудь поесть. Хозяйка ответила, что у них почти ничего нет, и принесла мне домашнего вина, хлеба и блюдо колбасок. – Вулф наклонился вперед. – Сэр, даже Лукуллу не доводилось пробовать таких колбасок. Ни Брийя-Саварену. Ни даже Вателю или Эскофье². Я спросил у женщины, где она раздобыла эти колбаски. Она сказала, что их приготовил ее сын. Я просил разрешения встретиться с ним, но его не было дома. Я спросил, как его зовут. «Жером Берен», – ответила она. Я съел еще три блюда колбасок и уговорился, что приду наутро, чтобы увидеться с ее сыном. Но часом позже мой подопечный сбежал в Порт-Вендрес, где сел на корабль до Алжира. Мне пришлось следовать за ним. Погоня довела меня до самого Каира, а потом другие дела помешали мне еще раз приехать в Испанию до войны. – Вулф откинулся на спинку и глубоко вздохнул. – До сих пор, закрыв глаза, я вспоминаю вкус этих колбасок.

Берен кивнул, но продолжал хмуриться:

– Занятная история, мистер Вулф. Очень лестно, благодарю вас. Но, конечно, колбаски минюи...

– Тогда они не назывались колбаски минюи. Это были просто домашние колбаски в маленьком испанском городке. В годы юности, не имея большого опыта, при весьма странных обстоятельствах я все-таки попробовал эти колбаски – произведение высокого кулинарного искусства. Хорошо помню: когда я ел первую, мне показалось, что это просто случайное совпадение в беспорядке смешанных ингредиентов. Но остальные имели тот же вкус – содержимое всех трех порций. Это было гениально. Я тотчас же распознал это. Я не из тех, кто едет из Ниццы или Монте-Карло в «Корридону» в Сан-Ремо только потому, что Жером Берен знаменит, а колбаски минюи – его шедевр. Я выражаю свое восхищение сразу, не дожидаясь всеобщего признания.

Берен все еще хмурился:

– Кроме колбасок минюи, я готовлю и другие блюда.

– Конечно. Вы же мастер высокой кухни. – Вулф ткнул в него пальцем. – Я вижу, что чем-то огорчил вас. Вероятно, я был бестактен. Дело в том, что все это было предисловием к просьбе. Я не собираюсь доискиваться причин, почему вы двадцать лет отказываетесь открыть

---

² Ватель Франсуа (предпол. 1631–1671) и Эскофье Огюст (1846–1935) – великие французские кулинары. – *Примеч. ред.*

рецепт этих колбасок: шеф-повару есть чего опасаться. Я знаю, что был сделан ряд попыток воспроизвести их – и все неудачные.

Берен нахмурился еще больше.

– Неудачные?! – прорычал он. – Да это было просто оскорбление! Преступление!

– Именно так. Согласен. Я понимаю: разумно держать рецепт в секрете, чтобы предотвратить те бездарные подделки, которые появятся в кухнях ресторанов мира, если вы опубликуете его. Существует несколько великих поваров, чуть больше хороших и несметное множество плохих. У меня работает хороший – мистер Фриц Бреннер. У него нет вдохновения, но он достаточно компетентен, и у него тонкий вкус. Он абсолютно честен, я тоже. Я умоляю вас – это та самая просьба, к которой я вел все время, – я умоляю вас открыть мне рецепт колбасок минюи.

– Великий боже! – Берен чуть не выронил трубку. Подхватив ее, он изумленно посмотрел на Вулфа, затем расхохотался. Поднял вверх руки и махал ими, хохоча, как будто никогда в жизни не слышал такой славной шутки и желал посмеяться над ней на всю катушку. Наконец он перестал и уставился на Вулфа с презрением. – Открыть его вам?! – повторил он отвратительным тоном. Особенно противно было слышать такое от отца Констанцы.

– Да, сэр, – спокойно ответил Вулф, – мне. Я оправдаю ваше доверие. Я не сообщу рецепт никому. Его не будет знать никто, кроме меня и мистера Гудвина. Моя цель не распространение, а еда. У меня...

– Великий боже! Поразительно! И вы действительно думаете...

– Нет. Я ничего не думаю. Я просто прошу. Вы захотите, конечно, испытать меня, я пройду испытания. Я ни разу не нарушил данного слова. Кроме того, я готов заплатить три тысячи долларов. Недавно я получил порядочный гонорар.

– Ха! Мне предлагали пятьсот тысяч франков!

– С коммерческими целями. А это лишь просьба частного лица. Колбаски будут готовить только в моем доме, а ингредиенты будет покупать мистер Гудвин, который пользуется моим абсолютным доверием. Я должен кое в чем вам признаться. С тысяча девятьсот двадцать восьмого года по тысяча девятьсот тридцатый, когда вы еще служили в «Гарлетоне» в Лондоне, мой человек приходил в ресторан, заказывал ваши колбаски и пересылал мне. Я пытался понять, что вы туда кладете, сам, приглашал кулинарных экспертов, поваров и химиков. Все результаты оказались неудовлетворительными. Разумеется, дело не столько в ингредиентах, сколько в способе приготовления. У меня есть...

– Это был Ласцио? – ворчливо спросил Берен.

– Ласцио?

– Филип Ласцио. – Он произнес это имя, как ругательство. – Вы сказали, что консультировались с поварами...

– О! Нет, не Ласцио. С ним я не знаком. Я сделал это признание, чтобы показать, что был достаточно честолюбив, пытаюсь разгадать секрет самостоятельно. Но я прошу вас заключить со мной соглашение не для того, чтобы предать вас. Признаюсь еще. Я согласился на это чудовищное путешествие не только потому, что приглашение делало мне честь. Главной моей целью было увидеть вас. Все, что нужно мне в жизни, – читать книги, решать сложные задачи и есть любимые блюда. – Он глубоко вздохнул и прикрыл глаза. – Пять тысяч! Ненавижу торговаться.

– Нет! – отрезал Берен. – Вукчич знал об этом? Он для этого привел меня сюда?

– Сэр! Прошу вас. Я говорил о доверии. О моем предложении никто не знает. Я начал с просьбы и снова повторяю ее. Не окажете ли вы мне любезность?

– Нет.

– Ни при каких условиях?

– Нет.

Глубокий вздох всколыхнул брюхо Вулфа. Он покачал головой:

– Я осел. Нельзя было начинать об этом в поезде. Я сам не свой. – Он протянул руку и позвонил. – Хотите пива?

– Нет! – гавкнул Берен. – То есть да. Я хочу пива.

– Прекрасно. – Вулф откинулся на спинку и закрыл глаза.

Берен снова раскурил трубку. Поезд качнуло на повороте, свет мигнул. Вулф судорожно вцепился в подлокотники. Вошел проводник и, получив заказ, скоро вернулся с бутылками и стаканами. Пока они пили пиво, я в своем блокноте рисовал натюрморт с колбасками.

– Спасибо, сэр, что вы принимаете мое угощение, – сказал Вулф. – Нет причин нам не быть друзьями. Я сделал ложный шаг. Еще до того, как я произнес свою просьбу, что-то рассердило вас в моем рассказе, а ведь он должен был польстить вам. В чем же была моя ошибка?

Берен облизнул губы, поставил стакан на стол. Рука его инстинктивно потянулась туда, где должен был быть уголок фартука. Не обнаружив его, Берен вынул носовой платок. Потом он наклонился к Вулфу и произнес, постукивая пальцем по его колену:

– Вы живете не в той стране.

Вулф поднял брови:

– Да? Подождите, пока не отведаете черепаху по-мэрилендски. Или, осмелюсь сказать, устричный пирог Ниро Вулфа в исполнении Фрица Бреннера. По сравнению с американскими европейские устрицы – просто капли протоплазмы.

– Я говорю не об устрицах. Вы живете в стране, которая терпит присутствие Филипа Ласцио.

– Но я действительно не знаком с ним.

– Он готовит свои помои в отеле «Черчилль» в вашем Нью-Йорке! Вы должны знать это.

– Я слышал о нем, конечно, раз он равного класса с вами.

– Равного со мной? Фу! – Руки Берена одним быстрым круговым движением выкинули воображаемого Филипа Ласцио через окно. – Ничего похожего!

– Прошу прощения. – Вулф склонил голову набок. – Он, как и вы, один из «Les Quinze Maîtres»³. Вы считаете, что он недостоин?

Берен снова забарабанил по колену Вулфа. Было смешно наблюдать, как Вулф, который ненавидит, когда к нему прикасаются, терпит это во имя колбасок.

– Более всего Ласцио достоин быть разрезанным на мелкие части и скормленным свиньям, – процедил Берен сквозь зубы. – Но нет, это сделает несъедобной ветчину. Просто разрубить на куски! – Он уставился на дырку в полу. – И закопать. Говорю вам, я знаю Ласцио много лет. Может, он турок? Никто не знает. Никто не знает, как его зовут. В тысяча девятьсот двадцатом он украл секрет «Rognons aux Montagnes» (почки по-горски) у моего друга Зелоты из Таррагоны и объявил рецепт своим. Зелота поклялся убить его. Он украл еще множество рецептов. В тысяча девятьсот двадцать седьмом, несмотря на мой яростный протест, он был избран в «Les Quinze Maîtres». А его жена – вы видели ее? Это Дина, дочь Доменико Росси из кафе «Эмпайр» в Лондоне. В детстве она не раз сидела у меня на коленях! – Он шлепнул по колену. – Вы, без сомнения, знаете, что ваш друг Вукчич женился на ней, а Ласцио отбил у него жену. Вукчич, разумеется, убьет его, но почему он ждет так долго? – Берен потряс сжатыми кулаками. – Это собака, это змея, которая ползает в грязи! Вы знаете Леона Бланка, нашего любимого и великого Леона? Вы знаете, что он теперь прозябает в заведении без всякой репутации под названием «Уиллоу-клуб» в занюханном городишке Бостон? А раньше в течение многих лет ваш отель «Черчилль» славился своей кухней, потому что шефом был он. Ласцио украл у него это место, украл клеветой, ложью, придирками! Дорогой старый Леон убьет его! Определенно. Этого требует справедливость.

---

³ Пятнадцать мастеров высокой кухни (фр.).

Вулф пробормотал:

– Ласцио уже трижды мертв. Не поджидают ли его и другие смерти?

Берен откинулся на спинку и, успокаиваясь, пробурчал:

– Поджидают. Я и сам убью его!

– Так он и у вас крал?

– Он крал у всех. Раз Бог создал его таким, пусть Бог его и защищает. – Берен выпрямился. – Я прибыл в Нью-Йорк в субботу на борту «Рекса». В тот же вечер я, движимый неумной ненавистью, отправился с дочерью обедать в «Черчилль». Мы пошли в зал, который называется «Курортный». И у кого он украл идею?! Все официанты одеты в униформу ресторанов известнейших курортов мира – «Шеферда» в Каире, «Континенталья» в Биаррице, «Ле Фигьер» в Жуан-ле-Пене, «Дель Монте» в вашей Калифорнии, Канова-Спа, куда везет нас этот поезд, и еще других. Мы сели за стол – и кого я увидел? Официанта с помоями Ласцио в униформе моей собственной «Корридоны»! Представляете? Я собирался броситься на него и спросить, где он ее взял. Мне хотелось сорвать с него униформу вот этими руками! – Он яростно размахивал ими перед носом Вулфа. – Но дочь удержала меня. Она сказала, что я не должен позорить ее. А мой собственный позор? Он не в счет? – Вулф с сочувствием покачал головой и потянулся за пивом, а Берен продолжил: – Счастье, что его стол был далеко от нас. Я повернулся к нему спиной. Но подождите. Послушайте, что было дальше. Как вы думаете, что я увидел в меню горячих блюд? Ну что?

– Надеюсь, не колбаски минюи?

– Именно так! В меню горячих блюд под номером четыре! Конечно, для меня это не было полной неожиданностью. Я знал, что уже несколько лет Ласцио набивает кишки бог знает чем и называет это колбасками минюи. Но увидеть это название здесь, в меню, четвертым по счету! Весь зал, столы и стулья, все эти официанты в униформе заплясали у меня перед глазами. Если бы в этот момент появился Ласцио, я убил бы его собственными руками. Но его не было. Я заказал официанту две порции. Когда я делал заказ, голос мой дрожал. Их подали на фарфоровых тарелках – боже правый! – и похожи они были... даже не знаю на что. На этот раз я решительно пресек возражения дочери. Взяв в каждую руку по тарелке, я поднялся со стула и со спокойной решимостью вывалил все это на середину ковра! Что тут началось! Примчался официант. Я взял дочь за руку и ушел. Нас остановил метрдотель. Но я заставил его замолчать. Я сказал ему значительным тоном: «Я Жером Берен из ресторана „Корридона“ в Сан-Ремо! Приведите сюда Филипа Ласцио и покажите ему, что я сделал. Только держите меня, чтобы я не вцепился ему в горло». Я еще кое-что сказал. Это было лишнее. Затем я отвел дочь в «Рустерман», где нас встретил Вукчич и успокоил блюдом своего гуляша и бутылочкой «Шато-Латур» тысяча девятьсот двадцать девятого года.

– Это успокоит и тигра, – согласился Вулф.

– Так и было. Я хорошо спал. Но на следующее утро – вчера – знаете, что произошло? Ко мне в гостиницу пришел человек с запиской от Филипа Ласцио. Он приглашал меня на ланч! Можете вы поверить в такое бесстыдство? Но это еще не все. Человеком, принесшим записку, был Альберто Мальфи!

– Да? Я и его должен знать?

– Не теперь. Теперь-то он не Альберто, а Альберт, Альберт Мальфи, а прежде был корсиканец, который работал шинковщиком в крохотном кафе в Аяччо. Я откопал его там, привез в Париж – я работал тогда в «Провансале», – учил его и сделал из него хорошего повара. Теперь он главный ассистент Ласцио в «Черчилле». Ласцио сманил его у меня в Лондоне в тысяча девятьсот тридцатом. Сманил моего лучшего ученика и насмеялся надо мной! И эта нахальная жаба присылает его ко мне с приглашением на ланч! Альберто появляется передо мной в визитке, кланяется и, как будто ничего не случилось, подает эту записку на безукоризненном английском языке.

– Как я понимаю, вы не пошли.

– Фу! Чтобы я ел его отраву? Я пинками выставил Альберто за дверь. – Берена передернуло. – Никогда не забуду: однажды, в тысяча девятьсот двадцать шестом году, когда я был болен и не мог работать, – он поднял указательный палец, – я чуть было не доверил Альберто рецепт колбасок минюи. Великий Боже! Если бы я это сделал! Он готовил бы их теперь для Ласцио! Ужас!

Вулф согласился. Он уже прикончил вторую бутылку и завел учтивейшую речь, полную понимания и сочувствия.

Я слушал с истинной болью. Он обязан был понять, что все его старания напрасны, ему никогда не удастся получить то, чего он добивается. Я негодовал, глядя, как он унижается, стараясь заслужить расположение этого колбасника с бешеными глазами. Кроме того, поезд навевал на меня сон, и я просто не мог удержать глаза открытыми. Я встал.

Вулф посмотрел на меня:

– Да, Арчи?

– Вагон-бар, – сказал я решительно, открыл дверь и вышел.

Было уже больше одиннадцати, и в вагоне-баре было довольно пусто. Двое молодых парней, каждый из которых мог бы позировать для рекламы шампуней, пили хайболл, а еще кучка короткостриженных джентльменов и дам с искусственной сединой, которые вот уже тридцать лет называют проводника не иначе как Джордж. Вукчич и мисс Берен сидели с пустыми стаканами. Разговор у них не клеился. Рядом с ней пристроился голубоглазый атлет с квадратной челюстью в скучном сером костюме. Из тех, о ком лет через десять скажут, что он сам себя сделал. Я подошел к ним, и атлет посмотрел на меня поверх книги, явно собираясь освободить мне место. Но Вукчич опередил его:

– Садитесь на мое место, Гудвин. Я уверен, мисс Берен не станет возражать. Я почти не спал прошлой ночью.

Он попрощался и ушел. Я расположился и поманил официанта. Выяснилось, что мисс Берен страшно нравится американское имбирное пиво. Себе я заказал стакан молока. Наши требования были удовлетворены, и мы потягивали напитки.

Она обратила ко мне свои фиолетовые глаза. Они казались еще темнее, чем обычно, и я понял, что вопрос, который она собирается задать, не был бы задан при свете дня. С дрожью в голосе она произнесла:

– Вы действительно детектив, правда? Мистер Вукчич как раз говорил мне, что обедает каждый месяц у мистера Вулфа и вы живете там. Он говорил, что вы очень храбрый и трижды спасли мистеру Вулфу жизнь. – Она покачала головой и продолжала буравить меня глазами.

– Вукчич очень мало знает о работе детектива, – мягко возразил я.

– О нет! – прожурчала она. – Я не так молода, чтобы быть такой глупой. Я окончила школу три года назад.

– Прекрасно, – махнул я рукой. – Забудем о лошадях. В какой же школе учатся там девушки?

– Я ходила в школу при монастыре. В Тулузе.

– Вы не похожи ни на одну монашенку, какую я когда-либо видел.

Она прикончила свое пиво и расхохоталась:

– Никакая я не монашенка. Я не очень религиозна. Матушка Сесиль всегда говорила нам, девушкам, что самая чистая и приятная жизнь – это служение людям. Но я обдумала это и решила, что лучше всего жить в свое удовольствие как можно дольше, а уж когда станешь толстой или больной или обзаведешься большой семьей, тогда можно начать служить людям. Разве вы так не думаете?

– Не знаю, – с сомнением покачал я головой. – Я весьма силен в служении. А вы уже успели пожить в свое удовольствие?

Она кивнула:

– Иногда удавалось. Мама умерла, когда я была совсем юной, а папа установил для меня множество всяких правил. Я видела, как ведут себя американские девушки, когда приезжают в Сан-Ремо, и решила вести себя так же, но обнаружила, что не знаю, как это делается. И все равно, когда я плавала на яхте лорда Джерли вокруг мыса без сопровождающих, папа сказал, что не следует этого делать.

– Джерли был на борту?

– Да, но он ничего не делал. Он заснул и упал за борт. А мне пришлось три раза менять курс, чтобы вытащить его. Вам нравятся англичане?

Я поднял бровь:

– Ну... Думаю, англичанин мог бы понравиться мне при определенных обстоятельствах. Ну, если бы, например, нас выбросило на необитаемый остров и три дня мне нечего было бы есть, а он поймал бы кролика. А если там нет кроликов, так дикого кабана или, на худой конец, моржа. А вам нравятся американцы?

– Не знаю! – рассмеялась она. – С тех пор как я выросла, я встречалась лишь с некоторыми в Сан-Ремо, и мне казалось, что они забавно говорят и стараются все делать перво-классно. Я имею в виду мужчин. В Лондоне мне нравился один богатый пожилой американец с больным желудком, который жил в «Тарлетоне». И папа готовил ему специальные блюда. Уезжая, он сделал мне красивые подарки. Мне кажется, большинство из тех, с кем мы встречались в Нью-Йорке, имеют приятную наружность. Вчера в гостинице я видела одного очень красивого. У него нос напоминает ваш, а волосы чуть светлее. Я не могу сказать, нравятся ли мне люди, пока хорошо не узнаю их...

Она продолжала говорить, но я отвлекся, занявшись сложным исследованием. Когда она закончила пить имбирное пиво, я отвел взгляд от ее лица, чтобы рассмотреть другие детали. Она закинула ногу на ногу, как делают американские девушки, не особенно беспокоясь о юбке. Вид от ступни хорошей формы до правильно вылепленного колена удовлетворял самым высоким требованиям. Чем дальше – тем лучше. Но вот беда. Я обнаружил, что атлет с квадратной челюстью смотрит в книгу лишь одним глазом, другой же устремлен на тот же интересный предмет, который изучал я. Моя внутренняя реакция на это была асоциальной. Вместо того чтобы обрадоваться, что у меня есть товарищ, который разделяет со мной удовольствие, я ощутил бесконтрольное желание сделать сразу две вещи: свирепо взглянуть на атлета и попросить мисс Берен одернуть юбку.

С трудом собравшись с мыслями, я попытался рассуждать логически. Лишь одно может оправдать мое возмущение и желание заставить его прекратить смотреть на эту ногу. Эта нога принадлежит мне. Следовательно, или я считаю ее частью своего тела, или я желаю владеть ею. Первое абсурдно: эта нога не часть моего тела. Второе опасно: учитывая ситуацию, есть лишь один этичный способ получить эту ногу.

Она все продолжала говорить. Я залпом выпил остатки молока, что, вообще-то, не в моих привычках, дождался паузы и повернулся к ней, снова рискуя утонуть в темно-фиолетовых глазах.

– Именно так, – сказал я, – чтобы узнать людей, нужно время. Как можно рассуждать о человеке, пока не познакомишься с ним? Возьмите, например, любовь с первого взгляда. Она смешна. Помню, как я впервые встретил свою жену. Я сшиб ее велосипедом на Лонг-Айленде. Удар был не очень сильный, но я поднял ее и отвез домой. И пока она не прислала мне счет на двадцать тысяч долларов за причиненные телесные повреждения, я вовсе не сходил с ума от того, что вы называете любовью. А потом случилось неизбежное, и пошли дети: Кларенс и Мертон, Изабел и Мелинда, Патриция и...

– Мне казалось, мистер Вукчич говорил, что вы не женаты.

Я замахал рукой:

– Я не так уж близок с Вукчичем. И никогда не говорю о семейных делах. Знаете ли вы, что в Японии упомянуть в разговоре о жене считается так же неприлично, как спросить, не болит ли у собеседника живот? Это все равно что сказать ему, что он начинает лысеть или что у него грязные носки.

– Так значит, вы женаты?

– Конечно женат. И очень счастлив.

– А как зовут остальных детей?

– Ну, кажется, главных я назвал. Остальные еще совсем карапузы.

Я продолжал болтать с ней со смешанным чувством печали и облегчения, как у человека, которого оттащили от края пропасти, куда он собирался шагнуть. Но тут возникло странное обстоятельство. Не спорю и охотно допускаю, что это была всего лишь случайность. Болтая со мной, она вытянула правую руку со стаканом пива на подлокотнике кресла как раз туда, где сидел голубоглазый атлет. Я не видел, как стакан начал наклоняться, готов поклясться, что она смотрела на меня. Когда я наконец обратил на это внимание, светло-коричневая жидкость уже лилась на серые брюки атлета. Я выхватил у нее стакан, она обернулась и ахнула, а тот покраснел и полез за платком. Ничего не берусь утверждать, но уж очень странное совпадение, если девушка через пять минут после того, как узнала, что один мужчина женат, случайно обливает имбирным пивом другого.

– Ой, я надеюсь, это отойдет. *Si gauche!*⁴ Мне так жаль! Я не думала... я не видела...

– Все в порядке... – пробормотал атлет. – Правда, правда же в порядке – это отойдет...

И так далее. Я смаковал эту сцену. Наконец он окончательно перешел на китайский, но собрался с мыслями и обратился ко мне на родном языке:

– Ничего страшного, уверяю вас, сэр. Правда. Разрешите представиться: Толмен, Барри Толмен, прокурор округа Мерлин, Западная Виргиния.

Значит, он стервятник и политикан. Ничто в моих прежних встречах с прокурорами не побуждало меня с любовью хранить их фотографии, но я не видел причин быть грубым. Я представился, представил его Констанце и предложил в возмещение ущерба угостить выпивкой.

Себе я заказал еще молока и, потягивая его, наблюдал за развитием знакомства. Я только изредка вставлял отдельные замечания, чтобы не создалось впечатления, будто я злюсь. Когда мой стакан наполовину опустел, Барри Толмен сказал:

– Я слышал – простите, я это сделал не нарочно, – я слышал, что вы упомянули Сан-Ремо. Я никогда не бывал там. В тысяча девятьсот тридцатом я был в Ницце, в тысяча девятьсот тридцать первом – в Монте-Карло. Кто-то, не помню кто, сказал мне, что обязательно нужно увидеть Сан-Ремо, потому что это самое красивое место на Ривьере, но я не поехал. Теперь... ну... теперь я верю этому.

– О, вы должны были поехать! – В ее голосе снова была дрожь, и я счастлив был это слышать. – Холмы, виноградники, море!

– Да, конечно. Я очень люблю природу. А вы, мистер Гудвин? Любите... – (Тут последовал толчок и лязг тормозов. Поезд миновал стрелку.) – Любите вы природу? – закончил он.

– Разумеется, – кивнул я и сделал глоток.

– Как жаль, что сейчас ночь, – сказала Констанца, – я могла бы посмотреть в окно на Америку. Мы ведь проезжаем Скалистые горы?

Толмен не засмеялся. Не было нужды оборачиваться, чтобы узнать, как он смотрит в ее фиолетовые глаза. Он объяснил, что Скалистые горы находятся за полторы тысячи миль отсюда, но местность, по которой мы едем, тоже красивая. Он рассказал, что трижды ездил в Европу, но не нашел там ничего, кроме исторических памятников, что могло бы сравниться

---

⁴ Так неловко! (*фр.*)

с Соединенными Штатами. Как раз там, где он живет, в Западной Виргинии, горы ничуть не хуже, чем в Швейцарии. Он нигде ничего не видел красивее своей родной долины, особенно того места, где стоит знаменитый курорт Канова-Спа. Это его родина.

– Но я как раз туда еду! – воскликнула Констанца. – Конечно же! В Канова-Спа!

– Я... Я так и думал. – Его щеки порозовели. – То есть три вагона из этого поезда идут туда, и я подумал... Я подумал, что, возможно, встречу вас там. Хотя, конечно, я не веду там светскую жизнь...

– И мы встретились в поезде. Я, правда, пробуду там недолго. Но, раз вы говорите, что там красивее, чем в Европе, я не могу дожидаться, когда увижу Канова-Спа. Но, предупреждаю, я люблю Сан-Ремо и море. Вы, конечно, ездили в Европу с женой и детьми?

– О нет! – Он был ошеломлен. – Конечно нет! Разве я выгляжу таким старым, чтобы иметь жену и детей?

«Щеголь проклятый, – подумал я, – этого ты мог бы не говорить!» Мой стакан был пуст. Я поднялся:

– Извините, друзья, я пойду проверю, не вывалился ли из поезда мой шеф. Я скоро вернусь, мисс Берен, и провожу вас к отцу. Вряд ли вы уже приобрели привычку вести себя как американские девушки.

Никто из них не заплакал, видя, что я ухожу.

В ближайшем вагоне я столкнулся с несущимся по проходу Жеромом Береном. Он остановился, я вынужден был сделать то же.

– Моя дочь! – прорычал он. – Вукчич оставил ее!

– С ней все хорошо, – ответил я. – Она беседует с моим приятелем, которого я ей представил. Мистер Вулф в порядке?

– В порядке? Не знаю. Я только что расстался с ним.

Он бросился вперед, а я пошел своей дорогой.

Вулф был в купе один. Сидел на диване, вцепившись руками в подлокотник, глаза широко открыты – воплощенное отчаяние.

– Жизнь прекрасна! – радостно сказал я. – Мы будем резвиться на зеленой траве, а вокруг нас будут порхать бабочки.

– Заткнись!

Не мог же он сидеть так всю ночь. Пришлось решиться на подвиг. Я позвонил, чтобы проводник приготовил постель. Потом подошел к Вулфу – но нет.

Помню, в старинном романе, который как-то попал мне в руки, было подробно описано, как очаровательная молодая девушка вошла в спальню и своими прелестными пальчиками прикоснулась к застёжке платья. «А теперь, – говорилось там, – мы должны покинуть ее. Мы с вами, дорогой читатель, должны проявить деликатность. Нельзя подсматривать девичьи тайны. Ночь распростерла свои опахала, поступим так же, читатель!»

Что ж, я согласен.

Глава 2

– Не думаю, что выслеживать мальчишку, который швыряет камни, – подходящая работа для детектива, – сказал я. – Особенно если, как вы, знать себе цену.

Гершом Оделл сплюнул сквозь зубы на огромный папоротник, росший в десяти футах от места, где мы с ним расположились на травке.

– Все так. Но я ведь говорил вам. Эти важные птицы платят от пятнадцати до пятидесяти долларов в день, чтобы жить в этом караван-сараяе и писать письма на фирменной бумаге Канова-Спа. И им не нравится, когда во время верховой прогулки ниггеры швыряют в них камнями. Я не говорил «мальчишка», я сказал «ниггер». Они подозревают, что это тот самый, кого месяц назад уволили из гаража.

Теплое солнце светило сквозь кроны деревьев. Я зевнул. Чтобы скрыть скуку, я спросил:

– Вы говорите, это случилось здесь?

– Вон там, – показал он. – По другую сторону тропинки. Оба раза попали в старого Крислера, ну, знаете, авторучки Крислера, у него еще дочь замужем за послем Уиллеттом.

Ниже по тропинке послышались голоса. Затем стук копыт стал отчетливее, на тропинке появились две благородные, красивые лошади, и два всадника проехали от нас так близко, что можно было бы дотянуться до них рыболовной удочкой. Один был фатоватый парень в щегольской куртке и с ним дама, достаточно толстая и старая, чтобы начать служить людям.

– Это миссис Джеймс Фрэнк Осборн. Из балтиморских Осборнов, что занимаются судостроением и сталью. С ней Дейл Чатвин, удачливый игрок в бридж. Видите, как он дергает свою лошадь? Ни черта не умеет ездить.

– Да? Я и не заметил. Вы хорошо разбираетесь в здешнем обществе.

– Приходится на такой работе. – Он снова плюнул в папоротник, поскреб затылок и сунул в рот стебелек травы. – В девяти случаях из десяти я угадываю, кто передо мной, еще до того, как мне скажут. Но бывают и исключения. Например, ваша компания. Черт их знает, кто они такие! Наверное, повара, которых пригласил наш шеф-повар. Смешно. Что же, теперь Канова-Спа – кулинарная школа на дому, так, что ли?

– Это не моя компания, мистер, – покачал я головой.

– Но вы с ними.

– Я с Ниро Вулфом.

– А он с ними.

– Не сейчас. Сейчас он заснул в номере шестьдесят. Думаю, в четверг мне придется усыпить его хлороформом, чтобы погрузить в поезд. – Я подставил лицо солнцу. – На свете бывают вещи и похуже поваров.

– Это точно, – согласился он. – А откуда они все взялись?

Я вытащил из кармана сложенную вырезку из «Таймс» и, пробежав ее глазами, протянул список Оделлу:

LES QUINZE MAÎTRES

Жером Берен, «Корридона», Сан-Ремо

Леон Бланк, «Уиллоу-клуб», Бостон

Рэмси Кит, отель «Гастингс», Калькутта

Филип Ласцио, отель «Черчилль», Нью-Йорк

Доменико Росси, кафе «Эмпайр», Лондон

Пьер Мондор, «Мондор», Париж

Марко Вукчич, «Рустерман», Нью-Йорк
Сергей Валенко, «Шато Монкальм», Квебек
Лоуренс Койн, «Раттан», Сан-Франциско
Луи Серван, Канова-Спа, Западная Виргиния
Ферид Халдах, кафе «Европа», Стамбул
Анри Тассон, отель «Шеферд», Каир

Скончавшиеся:

Арман Флэри, «Флэри», Париж
Паскуале Донофрио, «Эльдорадо», Мадрид
Жак Балеин, отель «Эмеральд», Дублин

Оделл пробежал заметку и принялся изучать имена и адреса.

– Ну и имена! – усмехнулся он. – Прямо сборная по футболу. Как они умудрились попасть в прессу? А что значит заголовок: «Лес куинзи» чего-то там?

– А-а, это по-французски. – Я произнес как следует. – Это значит «Пятнадцать мастеров высокой кухни». Эти ребята очень знамениты. Один, например, готовит колбаски, из-за которых дерутся на дуэли. Вы должны как-нибудь подойти к нему, отрекомендоваться детективом и попросить рецепт: он будет рад. Каждые пять лет они собираются у самого старого из них, поэтому на этот раз приехали в Канова-Спа. Каждый может привезти с собой одного гостя – так написано в заметке. Ниро Вулф – гость Сервана, а Вукчич пригласил меня, чтобы я мог поехать с Вулфом. Здесь их только десять. Трое умерли, а Халдах и Тассон не смогли приехать. Они будут стряпать, есть, пить и врать друг другу. В программе также речь Ниро Вулфа и избрание трех новых членов. Ах да, одного из них собираются убить.

– Забавно. – Оделл снова сплюнул. – Кого же?

– Филипа Ласцио из «Черчилля», Нью-Йорк. В заметке говорится: он зарабатывает шестьдесят тысяч монет в год.

– Чего только не бывает! И кто же собирается его кокнуть?

– Они встанут в очередь. Можно устроить тотализатор. И мой совет вам – приглядывайте за его комнатой, сами знаете, сколько времени это потом занимает. О господи, глаза бы мои не смотрели. Всего несколько капель имбирного пива!

На тропинку выехали всадник и всадница. Они смотрели друг на друга и смеялись, показывая все зубы. Когда пыль за ними улеглась, я спросил Оделла:

– Что это за счастливая парочка?

Он усмехнулся:

– Барри Толмен, прокурор нашего округа. Собирается в один прекрасный день стать президентом. А девица приехала с вашей компанией, разве не так? Между прочим, ничего крошка. А что это за шутка про имбирное пиво?

– Так, ничего особенного, – махнул я рукой. – Цитата из Чосера. Вот в них можно бросать камни сколько угодно. Ничего меньше лавины они не заметят. Кстати, а что это за шутка с бросанием камней?

– Никакой шутки. Я так работаю.

– Вы называете это работой? Я тоже детектив. Во-первых, неужели вы думаете, что кто-то вздумает начать бомбардировку, когда мы с вами тут сидим? Эта тропинка тянется на шесть миль. Почему бы нам не выбрать другое место? Во-вторых, вы говорили, что негр, которого вытурили из гаража, якобы делает это, чтобы насолить прежним хозяевам. Но если так, зачем ему оба раза выбирать мишенью этого фабриканта авторучек? Не может такого быть. Вы не все рассказываете. Мне до этого нет дела, просто хочется показать, что голова варит и по выходным.

Он посмотрел на меня одним глазом, затем обоими и наконец рассмеялся:

– А ты, кажется, ничего малый.

– Это точно, – с чувством подтвердил я.

Он все смеялся:

– Честное слово, не стоило тебе рассказывать. Ты бы лучше оценил, если бы знал Крислера. Но дело не только в нем. Я никак не успеваю. Шестнадцать часов в день! Мне дали тут помощника. Ты бы его видел: он чей-то там племянник. Я должен дежурить с восхода до темноты. А тут еще этот Крислер, он прямо исходит желчью. Зол на меня за то, что я поймал его шофера, когда тот воровал бензин в гараже. А тот ниггер помогал мне, за это Крислер и заставил его выгнать. Он и за моим скальпом охотится. Но я кое-что придумал. Видишь тот выступ? – Оделл показал пальцем. – Нет, чуть ниже, рядом с теми пихтами. Вот оттуда я и швырял в него камнями. Попал оба раза.

– Ясно. И здорово поранил его?

– Еще мало. Но плечо я ему расшиб как следует. А если возникнут подозрения, у меня прекрасное алиби. В любой момент я могу сказать, что иду искать того, кто швыряет камни, и уйти в лес на час или два. Иногда я позволяю им видеть меня с дорожки, и тогда они уверены, что находятся под моей защитой.

– Хорошая мысль. Но ты уже все из нее выжал. Рано или поздно тебе придется или поймать кого-нибудь, или бросить это занятие. Или швырнуть еще несколько камней.

Он снова рассмеялся:

– Может, ты думаешь, это был плохой бросок, когда я расшиб ему плечо? Видишь, как далеко выступ? Не знаю, буду ли я еще заниматься этим, но уж если буду, то знаю, кого выбрать. Я тебе ее показывал. – Он взглянул на часы. – Господи помилуй! Уже почти пять! Мне давно пора возвращаться!

Он умчался. Я никуда не спешил и лениво побрел по тропинке. Как я уже обнаружил, куда бы вы ни шли в Канова-Спа, вы гуляете по саду. Не знаю, кто подметает и вытирает пыль с деревьев в этих лесах, которые занимают более тысячи акров, но, безусловно, это образцовая домохозяйка. По соседству с отелем разбросаны павильоны и здание с горячими источниками, и все это в окружении лужаек, кустов и цветов. В тридцати ярдах от центрального входа – три фонтана в классическом стиле. В этих курятниках, которые называют павильонами, плюнуть негде, но зато есть собственная кухня. Два из них, «Покахонтас» и «Апшур», находятся в ста ярдах один от другого и соединены тропинкой, петляющей между клумбами. Их и предоставили пятнадцати, то есть десяти, поварам. Наши апартаменты под номером 60, Вулфа и мои, находятся в «Апшуре».

Я беспечно шел вперед. Там есть на что посмотреть, если вас это интересует. Гроздь ярко-розовых цветов на кустах, которые Оделл назвал горным лавром, петляющий ручеек с перекинутыми через него то здесь, то там крошечными мостиками, какие-то деревья и птицы, и вечнозеленые растения, и тому подобное. Я ничего не имею против. И правда, в таком месте что-нибудь обязательно должно расти, но, честно говоря, вдохновения все это не вызывает. Никакого сравнения, скажем, с Таймс-сквер или Янки-стэдиум в Нью-Йорке.

Ближе к главному зданию, особенно там, где расположены павильоны и минеральные источники, болеелюдно. Полно народу ездит в машинах, верхом, реже идут пешком. Большинство из тех, кто ходит пешком, – негры в униформе Канова-Спа: черные бриджи и ярко-зеленые куртки с большими черными пуговицами. На боковых аллеях еще можно увидеть, как они улыбаются, но в основном они выглядят так, словно заняты делом государственной важности.

Я пришел в «Апшур» чуть позже пяти. Номер 60 находился в конце правого крыла. Я осторожно отворил дверь и вошел на цыпочках, чтобы не разбудить младенца, но, открыв с еще большими предосторожностями дверь в следующую комнату, обнаружил, что она пуста. Все три окна, которые я оставил приоткрытыми, были заперты. Внушительная вмятина посреди кровати не оставляла никаких сомнений относительно того, кто лежал в ней. Одеядо, которое

я, уходя, с любовью расправил на нем, сбито в ногах. Я посмотрел в прихожей: его шляпы не было. Я прошел в ванную и вымыл руки. Мне было беспокойно. За десять лет я привык находить Ниро Вулфа, как статую Свободы, там, где его оставил. Все это было весьма огорчительно, не говоря уже об унижении сознавать, что он порхает, словно колибри, и лижет сапоги какого-то паршивого колбасника.

Я ополоснулся, сменил рубашку и уже намеревался пойти в главное здание, как сообразил, что Фриц и Теодор убьют меня, если я не привезу его назад в целости. Поэтому я направился напрямиком в павильон «Покахонтас».

Там было куда шикарнее, чем в «Апшуре». В нижнем этаже – четыре общие комнаты приличного размера. Еще подходя к двери, я услышал шум. Повара недурно проводили время. Я уже встречался с ними за ланчем, который приготовили и накрыли здесь же, в павильоне. Причем пятеро из них приготовили по блюду. Съесть все не составляло особого труда, особенно если вспомнить, чтостряпня Фрица Бреннера под руководством Ниро Вулфа вот уже десять лет является моей постоянной диетой.

Я позволил одной Зеленой Куртке открыть передо мною дверь, доверил другой шляпу и начал поиски своей заблудившейся пташки. В правой гостиной с мебелью из темного дерева и цветными коврами – «Покахонтас» оформлен в индейском стиле – под льющуюся из радио музыку танцевали три пары. Роковая брюнетка примерно моих лет с высоким белым лбом и продолговатыми сонными глазами висела на шее у Сергея Валенко, пятидесятилетнего блондина со шрамом под ухом. Это была Дина Ласцио, дочь Доменико Росси, бывшая когда-то женой Марко Вукчича и украденная, как выразился Берен, у него Филипом Ласцио. Низенькая женщина средних лет с утиной фигурой, маленькими черными глазками и пушком на верхней губе была Мари Мондор. А пучеглазый субъект с круглым лицом и такой же пухлый – ее муж Пьер Мондор. Она не говорит по-английски. Да и зачем это ей? Третью пару составляли Рэмси Кит, невысокий шотландец по меньшей мере шестидесяти лет, с лицом, похожим на проспиртованный закат, и маленькая стройная черноглазая особа, которой, по моим скромным знаниям о китаянках, никак не больше тридцати пяти. За ланчем она выглядела очень утонченной и таинственной, совсем как гейша на рекламном фото. Я знаю, что гейши – японки, но все равно. Словом, это была Лио Койн, четвертая жена Лоуренса Койна. Ура Койну, который уже разменял восьмой десяток и сед как лунь!

Я заглянул в левую гостиную, поменьше. Пожива была скудной. В дальнем углу на диване спал Лоуренс Койн, а Леон Бланк, милый старый Леон, перед зеркалом пытался определить, не пора ли ему бриться. Я пересек помещение и вошел в столовую. Это была большая и довольно заставленная комната. Кроме длинного стола и стульев, там стояло два сервировочных столика, буфет, забитый всякой дребеденью, и две большие ширмы, расписанные различными сюжетами, в частности как Покахонтас спасает Джона Смита. В столовую вели четыре двери: та, в которую я вошел, двойные двери из большой гостиной, стеклянная с террасы и еще одна из буфетной и кухни.

Там тоже был народ. Марко Вукчич с сигарой в зубах сидел возле длинного стола и, качая головой, читал телеграмму. Жером Берен с бокалом вина в руке разговаривал с благородной старой птицей с седыми усами и морщинистым лицом. Это был Луи Серван, глава поваров и наш хозяин в Канова-Спа. Возле распахнутой стеклянной двери на террасу на стуле, слишком маленьком для него, сидел Ниро Вулф. Ему пришлось неудобно откинуться назад, чтобы через щелочку едва открытых глаз видеть лицо стоявшего перед ним Филипа Ласцио – коренного, почти без седины и с гладкой кожей, какого-то скользкого на вид. Справа от Вулфа стоял поднос со стаканом и парой пивных бутылок. Слева, почти у него на коленях, с чем-то вроде тарелки в руках сидела Лизетт Путти. Лизетт довольно хорошенькая и уже успела завести друзей, несмотря на сомнительность своего положения. Ее привез из Калькутты Рэмси Кит и представил как свою племянницу. После ланча, рассказывал мне Вукчич, Мари Мондор

шипела, что Лизетт – кокотка и Кит подобрал ее в Марселе. Но в конце концов, сказал тот же Вукчич, нет ничего невероятного в том, что человек по фамилии Кит имеет племянницу по фамилии Путти. А даже если это и не так, Кит аккуратно оплачивает счета. И вообще, это никого не касается.

Когда я подошел, Ласцио как раз закончил обращенную к Вулфу фразу. Лизетт затараторила по-французски о том, что лежало на ее тарелке. Это напоминало толстые коричневые крекеры. Тут из кухни донесся вопль. Все повернулись и увидели разъяренного Доменико Росси с дымящимся блюдом в одной руке и длинной ложкой в другой.

– Оно свернулось! – вопил он. И, пробежав через комнату, начал тыкать блюдом в нос Ласцио. – Погляди на эту болотную жижу! Что я тебе говорил?! Да смотри же ты, господи! Ты должен мне сто франков. Черт бы тебя побрал, зять называется! Невежда, который не знает даже азов!

Ласцио спокойно пожал плечами:

– А вы согрели молоко?

– Я? Я что, по-твоему, ничего не соображаю?

– Тогда, возможно, яйца несвежие.

– Луи! – Росси повернулся на триста шестьдесят градусов и ткнул ложкой в направлении Сервана. – Вы слышите? Он говорит, у вас несвежие яйца!

Серван рассмеялся:

– О чем спор? Вы ведь сделали, как он говорил, и выиграла сто франков!

– Но все испорчено! Смотрите – грязь! – Росси сплюнул. – Эти проклятые современные идеи! Уксус есть уксус!

– Я заплачу, – спокойно произнес Ласцио, – а завтра покажу, как нужно это готовить.

Он подошел к двери в большую гостиную, открыл ее, и в столовую ворвались звуки музыки. Росси метался у стола, показывая свою мешанину Сервану и Берену. Вукчич спрятал телеграмму в карман. Лизетт заметила наконец мое присутствие, протянула мне тарелку и что-то проговорила.

Я улыбнулся и ответил:

– Джек Спратт не мог есть жир, его жена могла...⁵

– Арчи! – Вулф открыл глаза. – Мисс Путти говорит, что эти вафли готовил мистер Кит из продуктов, которые он специально привез из Индии.

– Вы пробовали их?

– Да.

– Ну и как, вкусно?

– Нет.

– Переведите ей, пожалуйста, что я никогда не ем перед обедом.

Я прошелся по столовой и остановился около Филипа Ласцио. Он смотрел на танцующие пары, но видел явно только одну. Мамаша и папаша Мондор старательно выписывали фигуры, на Рэмси Кита с гейшей было приятно смотреть, но для Ласцио они интереса не представляли. Зато Дина Ласцио и Сергей Валенко, казалось, так и не расцепляли рук с тех пор, когда я проходил мимо. Но вскоре они переменили позу. Ласцио ничего не сказал, не сделал никакого жеста, но сумел-таки завладеть их вниманием. Пара резко остановилась. Дина прошептала что-то своему партнеру и направилась к мужу. Я отступил на пару шагов, чтобы не смущать их, но они не обратили на меня никакого внимания.

– Хочешь потанцевать, милый? – спросила она его.

– Ты знаешь, что не хочу. А вы не танцевали.

– Но что же... – Она засмеялась. – Они называют это танцами.

---

⁵ Арчи говорит очевидную бессмыслицу.

– Возможно. Но вы не танцевали. – Он улыбнулся, но его улыбка была способна испортить любое настроение.

К ним подошел Валенко. Он посмотрел на их лица и вдруг расхохотался:

– А-а, Ласцио! – Валенко весьма фамильярно похлопал его по спине. – Приятель! – Он поклонился Дине. – Спасибо, мадам. – И с достоинством удалился.

– Филип, дорогой, – сказала Дина мужу, – если ты не хочешь, чтобы я танцевала с твоими коллегами, то мог бы сказать об этом. Для меня это не самое большое удовольствие.

Непохоже было, что они нуждаются в моей помощи, поэтому я вернулся в столовую, где просидел около получаса, наблюдая за этим зверинцем. Из малой гостиной вышел Лоуренс Койн, он тер глаза и пытался расчесать пальцами седые бакенбарды. Оглядевшись вокруг, он позвал: «Лио!» – таким громовым басом, что стекла в окнах задребезжали. Китайка мелкими шажками вышла из соседней комнаты, принесла Койну стул и пристроилась у него на коленях. Вошел Леон Бланк, немедленно ввязался в спор между Береном и Росси и внезапно скрылся вместе с ними в кухне.

Около шести часов вихрем влетела Констанца. Она переоделась. Оглядевшись, бросила в пространство приветствие, на которое никто не обратил особого внимания. Затем, заметив меня и Вукчича, подошла и спросила, где ее отец. Я сказал, что он в кухне защищает честь лимонного сока. При свете дня ее фиолетовые глаза были еще опаснее, чем я думал.

– Я видел вас с лошадьми пару часов назад, – заметил я. – Выпьете имбирного пива?

– Спасибо, нет. – Она улыбнулась мне, как навязчивому дядюшке. – С вашей стороны было очень любезно сказать отцу, что мистер Толмен ваш друг.

– Не стоит благодарности. Я заметил, что вы молоды и несчастны, и подумал, что могу подставить плечо. Все потихоньку образуется.

– Образуется?

– Не имеет значения, – помахал я рукой. – Пока вы счастливы.

– Конечно я счастлива. Я полюбила Америку. Думаю, все же выпью немного пива. Не беспокойтесь, я сама. – Она обошла стол и потянулась к звонку.

Не думаю, что Вукчич, хотя и сидел рядом со мной, слышал хоть одно слово. Он не сводил глаз со своей бывшей жены, которая разговаривала с Ласцио и Вулфом. Я уже обратил на это внимание за ланчем. Я заметил также, что Леон Бланк явно избегает Ласцио, который, по словам Берена, украл у него должность в отеле «Черчилль». Сам Берен все время смотрел на Ласцио, но так, чтобы тот не заметил. Создавалась какая-то особая атмосфера: шипение мамы Мондор по адресу Лизетт Путти, и общая товарищеская зависть, и бесконечные споры о салате и соусе, и дружно опущенные книзу большие пальцы, когда дело касалось Ласцио, и какой-то сладострастный туман вокруг Дины Ласцио. Мне всегда казалось, что роковые женщины – те, что могут медленно взмахнуть ресницами, и ты уже на веревочке, – существуют лишь для простаков. Но теперь я убедился, что если Дина Ласцио застанет вас одного и примется за работу, а на дворе дождь, то нужно немалое чувство юмора, чтобы посмеяться над этим. Она далеко ушла вперед от проливания имбирного пива на брюки прокуроров.

Я наблюдал этот спектакль и ждал, когда Вулф начнет шевелиться. Чуть позже шести он поднялся, и я последовал за ним на террасу, а затем по тропинке, ведущей к «Апшуру». Он передвигался чрезвычайно медленно, компенсируя свои невыразимые страдания в поезде. В номере 60 побывала горничная: постель была убрана, одеяло водворено на место. Я прошел к себе и через некоторое время вернулся к Вулфу.

Я застал его у окна в кресле почти достаточного размера. Он откинулся на спинку, глаза его были закрыты, а пальцы едва сходились на животе. От его фигуры веяло патетикой. Ни тебе Фрица, ни атласа полистать, ни орхидей поухаживать, ни пробок посчитать! Я пожалел, что обед будет неофициальным, потому что трое поваров принимают участие в его приготовлении. Обычно процесс переодевания к обеду настолько выводит его из себя, что он уже не способен

думать о чем-либо другом. Сегодня это пошло бы ему на пользу. Пока я обдумывал все это, он испустил вздох, полный такой неизъяснимой тоски, что, боясь разрыдаться, я вынужден был заговорить:

– Насколько я понял, Берен собирается приготовить завтра к ланчу колбаски минюи.

Никакого ответа.

– А что, если нам вернуться домой на самолете? – предложил я. – Здесь есть аэродром. Закажем билеты по телефону. До Нью-Йорка меньше четырех часов лету и стоит всего шестьдесят баксов.

Никаких эмоций.

– Вчера в Огайо произошла железнодорожная катастрофа. Сошел с рельс товарный поезд. Убило сотню поросят.

Он открыл глаза и попытался сесть прямо, но рука соскользнула с подлокотника, и он вернулся в прежнее положение.

– Ты уволен с работы, – объявил он. – Это решение вступит в силу, когда мы приедем в Нью-Йорк. Я так думаю. Обсудим все, когда вернемся домой.

Вулф понемногу возвращался к жизни.

– Это вполне меня устроит, – улыбнулся я ему. – Я собираюсь жениться. На дочке Берена. Что вы о ней скажете?

– Фу!

– Продолжайте, не стесняйтесь. Вы, я вижу, думаете, что десять лет в вашем обществе разрушили все мои чувства, что я уже не могу быть предметом любви.

– Фу!

– Отлично. Чувство пришло ко мне вчера вечером в вагоне-баре. Вряд ли вы понимаете, что это за лакомый кусочек. У вас, похоже, полный иммунитет. Я, конечно, еще не говорил с ней. Не могу же я просить ее выйти замуж за... ну, скажем, детектива. Но если я займусь другой работой и докажу, что представляю для нее ценность...

– Арчи, – угрожающе прорычал он, сидя совершенно прямо, – ты лжешь! Посмотри мне в глаза.

Я уставился на него со всей невинностью, на какую был способен. Но тут я увидел, что его веки начинают опускаться, и понял, что делать нечего. Мне оставалось только усмехнуться.

– Будь ты проклят! – воскликнул он с явным облегчением. – Да ты представляешь себе, что такое женитьба? Девяносто процентов мужчин после тридцати женаты, посмотри на них! Разве ты не понимаешь, что, если у тебя есть жена, она будет тебе готовить? А ты знаешь, что все женщины считают целью пищи – набивание желудка? Видел ты когда-нибудь женщину, которая могла бы... Что это?

В дверь стучали уже во второй раз. В первый раз тихонько, и я решил не обращать внимания, чтобы не прерывать Вулфа. Теперь я поднялся и пошел открывать. Я редко удивляюсь, но тут был поражен. На пороге стояла Дина Ласцио. Ее глаза казались еще больше, чем обычно, но вовсе не были томными.

– Можно войти? – тихим голосом спросила она. – Мне нужно видеть мистера Вулфа.

Я отступил, впустил ее и закрыл дверь.

– Сюда, пожалуйста, – указал я, и она прошла вперед.

Единственное выражение, которое я смог уловить на лице Вулфа, – это что он ее узнал.

Он кивнул в знак приветствия:

– Я польщен, мадам. Извините, что не встаю, я позволяю себе такую невежливость. Стул, Арчи!

Она нервно огляделась:

– Могу я поговорить с вами наедине, мистер Вулф?

– Боюсь, что нет. Мистер Гудвин – мой доверенный помощник.

– Но я... – Она все еще стояла. – Мне тяжело говорить даже вам...

– Ну, мадам, если это уж так тяжело... – Конец фразы повис в воздухе.

Она сглотнула, снова посмотрела на меня и сделала шаг к нему:

– Не говорить еще тяжелее... Я должна сказать кому-нибудь. Я много слышала о вас, конечно, в былые дни, от Марко... и я должна сказать кому-нибудь, а кроме вас, некому. Кто-то пытается отравить моего мужа...

– Вот как? – Глаза Вулфа сузились. – Садитесь. Прошу вас. Сидя легче говорить, не так ли, миссис Ласцио?

Глава 3

Роковая женщина опустилась на принесенный мной стул. С напускной небрежностью я оперся о спинку кровати. Похоже, наклеивается что-то, что поможет нам разогнать скуку и оправдает мои предчувствия, заставившие меня сунуть в чемодан пистолет и пару блокнотов.

– Конечно... – начала она. – Я знаю, вы старый друг Марко. Вы, наверное, думаете, что я предала его... Но я полагаюсь на ваше чувство справедливости, вашу гуманность...

– Слабые доводы, мадам. – Вулф был резок. – Мало у кого хватает мудрости быть справедливым или свободного времени быть гуманным. Почему вы заговорили о Марко? Вы предполагаете, что он пытается отравить мистера Ласцио?

– О нет! – Ее рука взметнулась и вновь опустилась на подлокотник. – Просто мне жаль, если вы предубеждены против меня и моего мужа, я ведь решила, что нужно кому-нибудь сказать, а здесь, кроме вас, некому.

– Вы сказали вашему мужу, что его пытаются отравить?

Она покачала головой, и ее губы чуть дрогнули.

– Это он сказал мне. Сегодня. Вы знаете, что некоторые повара готовили блюда к ланчу. Филип делал салат и еще сказал, что приготовит салатную заправку «Ручеек на лугу», которую сам изобрел. Все знали, что за час до подачи на стол он смешивает сахар с лимонным соком и сметаной и пробует не меньше ложки. У него все было приготовлено в кухне на столе: лимоны, чашка сметаны, сахарница. В полдень он начал смешивать. По привычке он попробовал на язык сахар, он показался ему твердым и недостаточно сладким. Он высыпал его в стакан с водой, но некоторые частицы не растаяли даже после того, как он размешал. Он влил в стакан коньяк, и он не смешался с водой. Если бы муж сделал заправку и попробовал полную ложку, то был бы мертв. В сахаре был мышьяк.

– Или мука, – усмехнулся Вулф.

– Муж сказал, что мышьяк. Он не почувствовал вкуса муки.

Вулф пожал плечами:

– Это легко установить с помощью куска медной проволоки и небольшого количества соляной кислоты. Я не вижу сахарницы. Где она?

– Наверное, в кухне.

– И сейчас ее используют для нашего обеда? – Глаза Вулфа широко открылись. – Вы что-то говорили здесь о гуманности...

– Нет. Филип высыпал его, теперь там настоящий сахар.

– Так... – Глаза Вулфа снова были полузакрыты. – Замечательно. Значит, он уверен, что там был мышьяк? И он не открыл это Сервану? И никому, кроме вас, не сказал? И даже не сохранил этот сахар как улику? Просто замечательно!

– Да, мой муж – замечательный человек. – На ее лицо упал луч солнца, и она чуть отодвинулась. – Он сказал, что не хочет огорчать своего друга Луи Сервана. Он запретил мне говорить об этом. Он сильный человек и очень самолюбив. Такой у него характер. Он считает, что достаточно силен, умен и опытен, чтобы не позволять никому судить о своих делах. – Она подалась вперед. – Я пришла к вам, мистер Вулф! Я боюсь!

– Что вы от меня хотите? Выяснить, кто подмешал в сахар мышьяк?

– Да, – кивнула она. – Нет. Я думаю, вам это не удастся, да и сахар уже выбросили. Я хочу, чтобы вы защитили моего мужа.

– Дорогая мадам, – сказал Вулф с усмешкой, – если тот, кто решил убить вашего мужа, не полный идиот, ваш муж будет убит. Нет ничего проще, чем отправить человека на тот свет, трудности возникают, когда надо замести следы. Боюсь, мне нечего предложить вам. Очень трудно спасти жизнь человеку против его воли. Вам известно, кто мог отравить сахар?

- Нет. Конечно, есть кое-что...
- А вашему мужу известно?
- Нет. Конечно, вы можете...
- Марко? Могу я спросить об этом Марко?
- Нет! Только не Марко! Вы обещали...

– Ничего я не обещал. Ничего подобного. Сожалею, миссис Ласцио, что могу показаться грубым, но ничего не подделаешь: я терпеть не могу, когда из меня делают идиота. Если вы боитесь отравления, вам нужен человек, дегустирующий пищу, а это не моя профессия. Если опасаетесь физического насилия, лучше всего поможет телохранитель, этим я тоже не занимаюсь. Прежде чем ваш муж сядет в машину, каждая гайка в ней должна быть тщательно проверена. Когда он идет по улице, нужно внимательно следить за окнами и крышами домов, а прохожих держать на расстоянии. В случае если он решит пойти в театр...

Роковая женщина поднялась:

- Вы превращаете все в шутку. Мне очень жаль.
- Вы первой начали шутить...

Но она не стала дожидаться конца фразы. Я поднялся, чтобы открыть дверь, но она оказалась перед ней раньше меня и ухватила за ручку. А раз она решила действовать самостоятельно, я дал ей возможность самой преодолеть и наружную дверь. Проследив, как она закрылась за ней, я вернулся к Вулфу, нацепив на лицо осуждающую гримасу, которая, однако, пропала даром, ибо глаза его были закрыты. Я обратился к его большой круглой физиономии:

– Хорошенький способ общаться с дамой, которая пришла к вам с таким простым предложением. От нас всего-то и требовалось пойти на реку и плавать возле сточной трубы, покуда не почувствуем вкуса мышьяка.

– Мышьяк не имеет вкуса.

– О'кей. – Я сел. – По-вашему, она собирается сама отравить его и заранее строит себе защиту? Или, может, она взвинчена и тычет носом, не зная, как защитить своего муженька? А может, Ласцио рассказывает сказки, чтобы набить себе цену? Видели бы вы, как он смотрел на нее, когда она танцевала с Валенко. Думаю, вы наблюдали, как пялился на нее Вукчич. Как мотылек, который попал в стакан и поэтому не может пробиться к горячей лампе. А вдруг действительно существует какой-то смышленный малый, который готов был всех нас отправить на тот свет, подсыпав в сахарницу мышьяк? Кстати, обед через десять минут. Вам неплохо было бы причесаться и заправить рубашку. Да, вы знаете, что за пять монет в день можно нанять себе здесь лакея? Клянусь, я как-нибудь попробую. Если я начну как следует следить за собой, то сразу стану другим человеком.

Мне пришлось остановиться, чтобы зевнуть. Свежий воздух брал свое. Вулф молчал, затем наконец заговорил:

- Арчи, ты слышал о приготовлениях к сегодняшнему вечеру?
- Нет. Что-нибудь особенное?

– Да. Заключено нечто вроде пари между мистером Серваном и мистером Китом. После обеда будет проведено испытание. Поджарят голубей, а мистер Ласцио – он сам вызвался – приготовит соус «Весна». Этот соус, помимо соли, содержит девять разных специй: кайенский перец, сельдерей, лук-шалот, лук-шнитт, кервель, эстрагон, черный перец горошком, тимьян и петрушку. Он приготовит девять порций, причем в каждой будет недоставать одной какой-нибудь специи. Блюда поставят в столовой. Сбор назначен в гостиной. Заходить будут по очереди, чтобы не переговариваться между собой, попробуют кусочек голубя под соусом и запишут, в каком блюде какой специи не хватает. Мистер Серван, насколько я знаю, поклялся угадать на восемьдесят процентов.

– Отлично. – Я снова зевнул. – Я берусь определить, в каком блюде не хватает голубя.

– Тебя не включили. Только «Les Quinze Maîtres» и я сам. Это будет интересный и поучительный эксперимент. Главное – отличить шнитт от шалота, но я думаю, что справлюсь. За обедом я выпью вина и, конечно, не буду есть сладкого. Кстати, мне пришла мысль о возможной связи между всем этим и странным рассказом миссис Ласцио. Ведь Ласцио будет готовить соус. Я не из паникеров, но приехал повидаться с талантливыми людьми, а не наблюдать, как кого-то пристукнут.

– Вы приехали узнать, как готовить колбаски минюи. Но не будем об этом. И какая тут может быть связь? Убить-то собираются Ласцио. Значит, дегустаторы в безопасности. Думаю, вам лучше пойти последним. Если вы заболете в этой глуши, у меня наступят веселенькие денечки.

Он закрыл глаза. Через некоторое время открыл их снова:

– Мне не нравятся рассказы о мышьяке, подсыпанном в еду. Который час?

Проклятый лентяй! Не может достать из кармана часы! Я ответил на его вопрос, он вздохнул и принялся приводить себя в порядок.

Обед в павильоне «Покахонтас» был весьма изысканным в том, что касалось еды, чего нельзя было сказать об остальных его сторонах. Суп, приготовленный Серваном, с виду напоминал консоме, но по вкусу был ни на что не похож. Автор превзошел самого себя, было приятно видеть, как его благородное лицо краснеет от удовольствия, когда он слышал замечания присутствующих. Леон Бланк приготовил рыбу – небольшую (всего шесть дюймов длиной) ручьевую форель под легким коричневым соусом, также не напоминавшим ничего, что мне доводилось пробовать прежде. Бланк довольно усмехался, когда его спрашивали, что это за соус, и говорил, что еще не успел придумать ему название. Все, за исключением Лизетт Путти и меня, съели форель целиком, вместе с головой и костями. Даже Констанца Берен, которая сидела от меня справа. Увидев, как я выплевываю кости, она засмеялась и сказала, что гурмана из меня не получится. Я ответил ей, что не могу есть рыбе лицо в память о золотых рыбках, которые были у меня в детстве. Глядя, как она перемалывает кости своими прелестными зубками, я с удовольствием отметил, что начинаю обуздывать ревность, охватившую меня утром.

Я не сразу разобрался, из чего приготовлено следующее блюдо – знаменитый деликатес Пьера Мондора. Чтобы понять, как его следует есть, мне пришлось посмотреть на остальных. Констанца сказала, что ее отец тоже хорошо готовит это блюдо, основными ингредиентами которого являются говяжий костный мозг, толченые крекеры, белое вино и куриные грудки. Приканчивая вторую порцию, я через стол поймал взгляд Вулфа и подмигнул ему, но он проигнорировал это. Ему явно казалось, что мы находимся в храме и внимаем самому апостолу Петру. Все были поглощены едой, когда супруги Мондор без всякого предупреждения затеяли громкую ссору, которая закончилась тем, что он бегом кинулся на кухню, а кипящая от возмущения мадам преследовала его по пятам. Потом выяснилось, что она услышала, как Мондор спросил Лизетт Путти, нравится ли ей его стряпня. Для француженки мадам что-то уж слишком нравственна.

В качестве жаркого подали молодую утку а-ля мистер Ричардс, приготовленную Марко Вукчичем. Это одно из любимых блюд Вулфа, и мне не раз доводилось пробовать его в исполнении дуэта Фриц Бреннер – Ниро Вулф. Кроме того, желудок мой был к этому времени уже до такой степени набит, что я был не в состоянии судить, чье исполнение лучше. Однако остальные хватили по хорошему глотку Бургундского (с большой буквы!) и выглядели так, словно только слегка заморили червячка. Я заметил, правда, что некоторые дамы, например Лио, китайская жена Лоуренса Койна, и Дина Ласцио, только слегка ковыряли в тарелке. Вскоре с птичками было почти покончено. Мне показалось, что Вукчич немного передержал уток в вине и именно поэтому он так резко отпарировал, когда Филип Ласцио начал делать замечания относительно гарнира. Вукчич назвал это блюдо шедевром кухни мистера Ричардса и перешел от этого утверждения к прямым насмешкам над кухней отеля «Черчилль». Я был гостем Вук-

чича, и вообще он мне нравился, так что, когда он запустил в глаз Ласцио куском хлеба, мне стало даже неловко. Остальные же восприняли происшествие как досадную задержку. Серван успокоил своего соседа Ласцио, и, когда официанты убрали хлеб с пола, а Вукчич выпил Бургундского, все дружно принялись доедать.

Салат, который готовил Доменико Росси, ожидали с некоторым волнением. Во-первых, когда его должны были подавать, Филип Ласцио отлучился в кухню. Росси выразил возмущение по этому поводу. Серван объяснил, что тот должен следить за приготовлением соуса «Весна». Но Росси не переставал ворчать по адресу зятьев-перестарков. Затем он обратил внимание, что Пьер Мондор не ест, и поинтересовался, не обнаружил ли тот червяков в латуке. Мондор дружелюбно, но твердо ответил ему, что специи, которыми заправлен салат, в особенности уксус, никак не сочетаются с вином, а он желал бы допить свое Бургундское.

– Нет там никакого уксуса, – мрачно сказал Росси. – Я не варвар.

– Я не пробовал. Я лишь понюхал соус и отодвинул салат.

– Я говорю вам, нет там уксуса! В салате все смешано так, как оно сотворено Богом! Побегите горчицы, кресс-салат и латук! Луковый сок с солью. Хлебные корки, натертые чесноком! В Италии мы едим его, запивая кьянти, и благодарим за это Господа!

Мондор пожал плечами:

– Во Франции мы этого не делаем. А Франция, мой дорогой Росси, задает тон в таких вещах. В каком еще языке...

– Ха! – Росси вскочил на ноги. – Задает тон, потому что мы научили вас. В шестнадцатом веке вы пришли, попробовали нашу кухню и скопировали ее. Вы читать умеете? Вы историю гастрономии знаете? И вообще какую-нибудь историю? Вы знаете, что каждое мало-мальски съедобное французское блюдо происходит из Италии?

Думаю, что именно так начинаются войны. Но в данном случае пыл быстро иссяк. Соседи по столу удержали Мондора, Росси принялся за свой салат, и мы обрели мир.

Кофе подали в двух гостиных. В двух, потому что Лоуренс Койн прилег на диван в маленькой гостиной, а возле него сели Кит и Леон Бланк. После еды я всегда чувствую себя удобнее на ногах, поэтому я принялся прохаживаться. В большой гостиной Вулф, Вукчич, Берен и Мондор, сбившись в кучку, обсуждали утку. Мамаша Мондор притащила свое вязанье и уселась к свету. Лио Койн сидела с ногами в кресле и слушала Сергея Валенко. Лизетт Путти наливала кофе Сервану, а Росси хмурился на индийский плед, покрывавший диван, как будто подозревал, что он сделан во Франции.

Дины Ласцио не было видно, и я гадал про себя, отправилась ли она куда-нибудь подмешивать яд или отлучилась в свою комнату, находившуюся в левом крыле «Покахонтас», за питьевой содой. А может, она в кухне помогает мужу? И я быстро направился туда. В столовой шли приготовления к эксперименту: стулья отодвинули к стене, подсобные столики загородили ширмами, а стол накрыли свежей белой скатертью. Я прошел мимо группы официантов. Дины в кухне не было. Полдюжины поваров в белых фартуках не обратили на меня никакого внимания, так как за последние двенадцать часов привыкли, что в кухне толпятся все, кому не лень. Ласцио, тоже в белом фартуке, был полностью поглощен помешиванием и подливанием чего-то в большую миску. Возле него ожидали распоряжений двое подручных. Учтивая полный обед в моем желудке, запах в кухне не доставил мне удовольствия, и я повернул обратно. Уже подали дижестив. Я налил себе коньяку, уселся и начал наблюдать за происходящим.

Я вдруг обнаружил, что и Констанца отсутствует. Через некоторое время она появилась, обежала глазами комнату и села рядом со мной, демонстративно закинув ногу на ногу. Я наклонился, чтобы получше рассмотреть ее лицо:

– Вы плакали?

– Конечно плакала! – кивнула она. – Сегодня в главном здании танцы, мистер Толмен пригласил меня, а отец не отпускает! Несмотря на то, что мы в Америке! Я плакала у себя в

комнате. – Она закинула ногу еще чуть выше. – Отец не любит, когда я так сижу, и именно поэтому я так и делаю.

– Ножная ревность, – понимающе улыбнулся я. – Встречается у родителей.

– Что?

– Ничего особенного. Вы можете сесть и поудобнее. Он на вас не смотрит. Могу я предложить вам коньяку?

Мы приятно провели час, едва замечая, что происходит за пределами нашего маленького мирка. Вошла Дина Ласцио, налила себе ликеру и, перекинувшись парой слов с мамашей Мондор, села на низкую скамеечку возле радиоприемника. Потягивая ликер, она крутила ручку настройки, но так ничего и не поймала. Через пару минут Вукчич с решительным видом пересек помещение, взял стул и уселся около нее. Он говорил, она добродушно улыбалась ему, а я думал, сумеет ли он оценить эту улыбку. Из малой гостиной пришли Койн, Кит и Бланк. Около десяти вечера появился гость – мистер Клей Эшли собственной персоной, управляющий Канова-Спа. Ему около пятидесяти, но в волосах ни малейшей седины. Он прибыл, чтобы произнести речь. Он желал сообщить нам, что курорт Канова-Спа чувствует себя глубоко польщенным, что ему оказали честь своим визитом наиболее выдающиеся из живущих ныне представителей одного из великих искусств. Он надеется, что пребывание здесь доставит нам удовольствие и так далее. Серван обратился к Ниро Вулфу как к почетному гостю с просьбой выступить в ответ. И вот Вулф был принужден подняться с кресла, хотя и не собирался никуда идти. Он сделал ряд лестных замечаний и поблагодарил мистера Эшли, даже не упомянув о путешествии в поезде и колбасках. Мистер Эшли, перезнакомившись со всеми, удалился.

Затем с небольшой речью выступил Луи Серван. Он объявил, что к дегустации все готово, и объяснил, как она будет проходить. На стол поставят девять тарелок с жареными голубями под соусом «Весна». В каждой будет не хватать одной какой-нибудь специи. Участники будут сами отрезать по кусочку голубя, пробовать соус без птицы не разрешается. Из каждой тарелки можно пробовать только раз. На столах будет стоять вода, чтобы полоскать рот. Тарелки будут пронумерованы. Каждому участнику выдадут лист бумаги, на котором напечатаны названия всех девяти специй, и против каждого названия он должен указать номер тарелки, в которой этой специи не хватает. Ласцио, который готовил соус, будет все время находиться в столовой. Участники, уже прошедшие испытание, не должны обсуждать его с теми, кто еще готовится пройти. Чтобы избежать споров, участников выстроили в следующем порядке. Серван прочел список:

Мондор
Койн
Кит
Бланк
Серван
Берен
Вукчич
Валенко
Росси
Вулф

Тут же произошла небольшая заминка. Когда раздали листки с названиями специй, Леон Бланк покачал головой. Он обратился к Сервану умоляюще, но твердо:

– Нет, Луи, извините меня. Я старался, чтобы мои отношения с Филипом Ласцио не причиняли никому беспокойства, но ни при каких обстоятельствах я не возьму в рот ничего приготовленного им. Он... Все вы знаете... но я лучше не буду говорить...

Он повернулся и вышел из комнаты. Тишину нарушило рычание Жерома Берена, который уже получил свой листок.

– Тем хуже для него, – произнес Рэмси Кит. – Милый старый Леон. Мы все знаем – но какого же черта? Пьер, вы первый? Уповаю на Господа, что вы все перепутаете. Луи, все готово?

Мамаша Мондор подняла свое старушечье лицо на мужа и пробормотала что-то по-французски. Я спросил у Констанцы, и она перевела: супруга грозила, что, если муж сделает хоть одну ошибку в таком простом испытании, ему не будет прощения ни от Бога, ни от нее. Мондор нетерпеливо, но ободряюще похлопал ее по плечу, быстро направился к двери в столовую и закрыл ее за собой. Через десять, максимум пятнадцать минут он появился снова.

Кит, который вместе с Серваном затеял это пари, подошел к нему и спросил:

– Ну как?

Мондор значительно нахмурился:

– Было условие не обсуждать. Могу лишь одно сказать: я предупреждал Ласцио относительно соли, а он пренебрег этим. Но и в этом случае было бы в высшей степени удивительно, если бы я сделал ошибку.

Кит закричал через всю комнату:

– Лизетт, дражайшая моя племянница! Побольше сердечности! Очаруй их всех!

Серван, улыбаясь, окликнул Койна:

– Ваша очередь, Лоуренс.

Старикашка отправился. Ясно было, что все это затянется надолго. Констанцу позвал отец. Я подумал, не потанцевать ли мне с роковой женщиной, побрел туда, где Дина Ласцио все еще сидела с Вукчичем возле приемника, однако потерпел неудачу. Она сказала, что у нее болит голова. Это лишь укрепило мои намерения, я стал подыскивать себе другую партнершу, но ничего подходящего не обнаружил. Китайка Лио вышла из комнаты. Лизетт восприняла слова Кита буквально и расхаживала с бутылочкой сердечных капель. Мамашу Мондор я пригласить не решился, опасаясь ревности Пьера. Что же касается Констанцы – ну, тут я вспомнил о детишках, оставленных дома, да еще представил ее глаза вблизи, и как моя рука обнимает ее, и еще этот необыкновенный аромат, заставляющий встать как можно ближе, чтобы лучше ощущать его. Нет, все это больше подходит моему другу Толмену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.